

Солсберийский И. Поликратик, или О забавах света и заветах философов // Библиотека в саду : писатели Античности, Средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве. М., 1985. [Solsberijskij I. Polikratik, ili O zabavakh sveta i zavetakh filosofov // Biblioteka v sadu : pisateli Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya o knige, chtenii, bibliofil'stve. M., 1985.]

Тургенев И. С. Фауст // Тургенев И. С. Собр. соч. : в 12 т. Т. 6. М., 1979. [Turgenev I. S. Faust // Turgenev I. S. Sobr. soch. : v 12 t. T. 6. M., 1979.]

Флобер Г. Библиомания / пер. с фр. А. В. Гуревич // Корабли мысли : английские и французские писатели о книге, чтении, библиофилах. М., 1986. [Flöber G. Bibliomaniya / per. s fr. A. V. Gurevich // Korabli mysli : angljiskie i frantsuzskie pisateli o knige, chtenii, bibliofilakh. M., 1986.]

Статья поступила в редакцию 03.06.2013 г.

УДК 821.161.1-145 + 821.161.1-15 + 82:001.8

А. Г. Маслова

ЖАНРОВАЯ СИСТЕМА МАСОНСКОЙ ПОЭЗИИ XVIII В.

Анализируются жанры масонской поэзии XVIII в. из журналов «Утренний свет», «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец», «Магазин свободнокаменщический». Показано, что ведущими в масонском творчестве являются жанры, призванные отразить онтологическую и антропологическую направленность масонской философии и соотносимые с космическими началами, универсальными законами миропорядка и высшими силами бытия (молитвы, духовные оды, философские произведения), а также нравоописательные жанры, отображающие состояние земной жизни человека, находящегося на разных уровнях развития (притчи, басни, загадки, идyllии).

Ключевые слова: русская поэзия XVIII в; жанровая система; масонская поэзия; онтологические и антропологические универсалии в литературе.

Вопрос о необходимости глубинного изучения масонской литературы XVIII в. ставится в обзорной работе Ю. В. Стенника «Православие и масонство в России XVIII века» [Стенник]. Основные проблемы литературоведческого изучения «масонского направления» в литературе XVIII в. определяют авторы монографии «Масонство и русская литература XVIII — начала XIX века» В. И. Сахаров, Г. А. Давыдов, М. Л. Ровнер [см.: Масонство...]. Однако на сегодняшний день остается нерешенной проблема, какие именно тексты XVIII в. относить к данному направлению. Можно ли связывать с масонским направлением творчество писателей, принадлежность которых к вольным каменщикам документально не подтверждена (например, творчество С. С. Боброва)? Все ли литературные опыты авторов, имеющих прямое отношение к масонству, можно рассматривать как масонские или необходимо каким-то образом разделять их наследие на «масонское» и «немасонское», что актуально, например, при исследовании творчества М. М. Хераскова, В. И. Майкова,

И. Ф. Богдановича? Как быть с многочисленными анонимными текстами, близкими по духу к масонству, ведь далеко не всегда однозначно можно сказать, создано это произведение в масонской среде или за ее пределами? Не ставя перед собой задачу каким-либо образом ограничить круг поэтических текстов, имеющих непосредственное отношение к масонству, мы обращаемся в данном исследовании к произведениям, опубликованным в периодических изданиях Н. И. Новикова конца 1770-х — начала 1780-х гг., и в журнале «Магазин свободнокаменщеской», издававшемся в типографии И. В. Лопухина. Осознавая тот факт, что в журналах Н. И. Новикова печатались не только произведения писателей, являвшихся членами масонского братства, мы тем не менее считаем возможным причислять оригинальные поэтические тексты, опубликованные в этих журналах, к масонскому направлению, так как в них выражаются существенные идеи масонской философии.

Целью предпринятого исследования является выявление содержательной сущности жанровой системы масонских поэтических произведений, что позволит в определенной степени обозначить спектр репрезентативных для масонского направления русской поэзии XVIII в. мотивов и тем.

Конец 1770-х — начало 1780-х гг. — это период кризиса в России рационалистического масонства, восходящего к английской и шведско-берлинской системам, и обращения московских братьев к наиболее мистической ветви «вольного каменщества» — розенкрейцерству, или системе «теоретического градуса». Именно с мистическим масонством связано «возвращение» русских просветителей к идеализму традиционного вероучения. Основополагающими установками масонских братьев явились близкие православию идеалы: евангельская нравственность, любовь к Богу и ближнему, смирение перед земными тяготами, ниспосланными для испытания души, познание себя как Творения Божьего и приближение к Премудрости Божьей [см.: Стенник, с. 82–84].

Этическая составляющая масонского учения, безусловно, была одной из основных сторон, привлекающих в его круг русских дворян, стремящихся наполнить свою жизнь духовным смыслом. Антропологическое содержание масонской философии, утверждающей значимость человека и его роли в мировом пространстве, оказалось родственно нравственным устремлениям таких видных деятелей русского XVIII столетия, как И. П. Елагин, Н. И. Новиков, М. М. Херасков и др. Масонская философия привлекала своим особым «метафизическим пафосом», в частности «пафосом эзотеричности», как его определяет американский ученый Артур Лавджой [Лавджой, с. 17].

Упражнения в поэтическом осмыслиении мира и человека, чтение поэтических текстов, выявление их смысла — эффективное средство познания, сопровождающее необходимые ступени нравственного и духовного самосовершенствования: разум, чувство и (при достижении определенной степени «погружения» в скрытые аллегории и символы) откровение. Поэзия становилась средством передачи тайного знания, а также средством воспитания разума и души «вольного каменщика».

Многие из представителей русского масонства были литераторами, что, безусловно, сказалось на их творчестве. Как справедливо замечает В. И. Сахаров, масонская философия, ориентированная на развитие внутренних рациональных и духовных сил каждого человека, с ее таинственными и полными символического смысла обрядами была «богатым и оригинальным источником образов и тем для поэм, од и малых поэтических жанров» [Сахаров, с. 66].

Художественные тексты масонов как тексты представителей любого эзотерического течения имели двойное содержание: один смысл раскрывался обычным читателям, иной, более глубинный, был рассчитан на «посвященных». Окружающий мир воспринимался масонами как тайнопись, которую необходимо расшифровать с помощью языка символов и аллегорий, и в этом смысле поэтический язык как язык, способный создавать иконический образ, вполне соответствовал поставленной задаче. В то же время русская поэзия, создававшаяся в масонской среде не концентрировалась только на проблеме символического отражения масонской философии. Поэзия становилась и средством самовыражения автора, что открыло новые возможности для русской литературы. Как отметил В. И. Сахаров, именно в масонской поэтической школе рождалось новое отношение к литературе как «к лирическому, то есть высказывающему авторскую душу и сердце творчеству», именно орденская концепция «открывала новые горизонты и пути для подлинной лирики» [Сахаров, с. 79].

Таким образом, обращение к масонской поэзии XVIII в. позволяет изучить важнейший пласт литературы, влиявшей на сознание передовой общественности второй половины столетия, способствовавшей формированию особого поэтического стиля и остававшейся долгое время вне поля исследовательского зрения литературоведов.

Наиболее яркое представление о содержании масонской поэзии дают журналы масонского направления «Утренний свет» (1777–1780), «Московское ежемесячное издание» (1781), «Вечерняя заря» (1782), «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785), «Магазин свободнокаменщеской» (1784). Спектр поэтических жанров, представленный в журналах, кажется на первый взгляд широким и разнообразным: это торжественные оды и стихи «на случай», духовно-религиозные оды и переложения псалмов, молитвы, сонеты, рондо, стансы, размышления, стихотворные письма, идиллии, анакреонтические песни и стихи, притчи, эпиграммы, поучительные сказки, басни, загадки, эпитафии. Однако более глубокое знакомство с поэтическими текстами показывает, что поэты-масоны (это понятие используется в данном исследовании условно, так как многие тексты, публикуемые в журнале, анонимны, и однозначно говорить о принадлежности их авторов к масонскому братству невозможно) проявляют особый интерес к одним жанрам и темам и редко обращаются к другим. Так, наиболее широко представлены жанры, связанные с духовно-религиозной, нравственно-философской и дидактической тематикой, значительно реже — оды, посвященные царствующим особам, и произведения любовного содержания.

Художественная значимость определенных жанров обусловлена их традиционной жанровой сущностью, способной отразить основные грани масонской

философии и масонского ритуала. Как доказано исследователями, «жанр предстает в неразрывной связи с жизненной ситуацией, в которой он функционирует, в частности с такими типическими моментами жизни аудитории, как разного рода ритуалы» [Тамарченко, с. 366]. Именно в масонском литературном творчестве оказывается важным то пространство, в котором функционирует художественный текст, поэтому масонскими авторами избираются литературные жанры с соответствующей «содержательной формой». В масонских журналах наиболее часто представлены поэтические произведения, типологически восходящие к ветхозаветной и новозаветной литературным традициям. Это группа литературных жанров, в которых «человек соотносится не столько с жизнью общества, сколько с космическими началами, универсальными законами мироустройства и высшими силами бытия» [Хализев, с. 362]. В произведениях данного типа проявляется особое внимание к изображению духовного начала человеческого бытия, устремленного к Богу, и в этом смысле эти тексты имеют непосредственную связь с онтологической и антропологической проблематикой.

К жанрам данного типа следует отнести такие жанры поэзии XVIII в., как переложения псалмов, духовные оды (которые следует отделять от переложений песен Давида), духовные гимны и песни, молитвы. Кроме того, к этой же группе могут примыкать произведения с соответствующим содержанием, написанные в форме сонетов, стансов, рондо, и стихотворения, жанр которых определяется масонами как размыщение (также развивающее соответствующие онтологические мотивы и образы). Онтологическая проблематика масонских поэтических произведений связана с признанием Бога как Великого архитектора вселенной, Строителя мирового храма бытия и Творца человека. Мир немыслим вне идеи Бога, который раскрывает себя через природу, в том числе и через человека. Безусловно, подобное содержание масонской философии предопределяет интерес масонских поэтов к жанрам, имеющим прямое отношение к религиозной и духовной поэзии.

Для псалмов и других жанров духовно-религиозной поэзии характерна особая хронотопическая ситуация, актуализирующая важные аспекты религиозной мистерии в целом и масонского ритуала в частности. «Содержательная» сущность пространственно-временной ситуации, связанной с созданием, «внутренним чтением» или произнесением вслух духовно-религиозных текстов, характеризуется направленностью вверх, в небесное пространство, и в бесконечность — вечное бытие Бога. Данная ситуация соотносима с мифopoетическим пространством, в котором «профаническая длительность разрывается, и все более и более сакрализующееся время в апогее как бы исчезает (как и пространство), слившись воедино с трехмерным пространством. Эта новая четырехмерная структура своей мифологической и бытийственной фундаментальностью <...> превосходит трехмерное пространство и одномерное время обычного профанического опыта...» [Топоров, с. 257—258]. Как место, в котором проходит работа масонской ложи, символически считается сакральным пространством, отделенным от окружающего профанного мира, так и момент, когда человек (или его душа) вступает в диалог с Богом, считается моментом сакральным, отделенным от обычного, повседневного времени.

Проблему исследования масонских элементов в русской религиозной поэзии XVIII в. затронул в своей работе американский ученый Александр Левицкий [Levitsky]. Отмечая сложность разграничения канонической ортодоксальной версии тех или иных заимствований, восходящих к библейским текстам, от их масонской интерпретации, А. Левицкий в то же время выявляет целый ряд мотивов и образов в текстах А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова, непосредственно связанных с масонской символикой и ритуальностью. Ученый обращает внимание на необходимость подробного изучения масонской поэзии XVIII в., так как в произведениях масонских авторов разрабатывается культ чувства, дружбы, братства, характерный для русского романтизма, а также именно здесь закладываются основы романтической веры в то, что поэзия может проникать за пределы физической природы и раскрывать тайны «иного» мира.

Излюбленным жанром масонской поэзии становится жанр переложения псалмов, так как содержание многих песен Давида совпадало с мистическим мироцентризмом франкмасонства. К исследованию некоторых текстов переложений псалмов, выполненных масонскими авторами, обращались М. Л. Ровнер и Л. Ф. Луцевич [см.: Ровнер; Луцевич, с. 375–408].

В литературе, посвященной теоретическим вопросам изучения псалмопевческой поэзии, в качестве главного отличительного качества жанра переложения псалмов называется его антропологическая направленность, а именно «личностный характер» переданных в произведении чувств и эмоций [Семенова, с. 29]. Специфика жанра переложения псалмов, безусловно, восходит к своему прототипу — собственно псалму, жанру еврейской лирики, призванному выражать излияния одинокой души человеческой, обращенной к Богу. Определяющей тематикой псалмов (и, как следствие, их переложений) становится диалог между душой человека и Творцом [Там же, с. 30].

Масоны не стремились к абсолютно полной передаче смысла псалмов, им «достаточно было воспроизвести общий пафос или отдельные мотивы древнего текста, которые давали возможность вводить идеи, значимые для масонства» [Луцевич, с. 401]. Не ставя перед собой задачу проанализировать все псалмы, изданные в масонских журналах, обратим внимание на один из них, в котором ярко проявляется масонская символика и образность.

В «Покоящемся трудолюбце» приведено анонимное переложение 25-го псалма, который, согласно наблюдениям Л. Ф. Луцевич, почти не привлекал внимание масонских авторов, однако в данном случае именно этот псалом оказался наиболее приемлемым для выражения масонских взглядов и применения масонских аллегорий. В каноническом тексте псалма актуализируется тема упования на помощь и защиту Божью праведного человека, стремящегося жить в непорочности и невинности и избегать общения с людьми лживыми, коварными и нечестивыми. Основная идея псалма позволяет развить мотив противостояния праведности и порочности, который в русле масонской символики наиболее ярко реализуется в мистерии борьбы света и тьмы. Согласно легенде во времена строительства египетских пирамид и храма царя Соломона посвященных каменщиков (к которым исторически возводят себя масоны)

называли сынами Света. В тексте переложения, опубликованном в «Покоящемся трудолюбце», неоднократно используется солярная символика, несмотря на то, что в каноническом псалме Давида нет онтологических универсалий света и тьмы. Так, фраза из Библейского текста «Ибо милость Твоя пред моими очами, и я ходил в истине Твоей» [Пс. 25 : 3] в масонском переложении звучит следующим образом: «Твою я милость пред очами / Всегда как солнце светло зрел, / И истины ходя стезями, / Тебе я угодить хотел» [ПТ, 1984, ч. 1, с. 69]. Если в псалме герой восклицает: «Господи! Возлюбил я обитель дома Твоего и место жилища славы Твоей» [Пс. 25: 8], то в переложении образ Божественного дома неотделим от символики света: «Черног Твой блещущ лепотою / Любезен сердцу моему / И славы свет, что пред Тобою, / По сердцу будет в век ему» [Там же, с.70].

Используются в переложении и значимые в масонстве образы пути и храма [см.: Маслова], причем понятие «храм» здесь насыщается негативным смыслом, соотносясь с храмом льстивых, которого необходимо избегать вольному каменщику, стремящемуся идти «незлобным путем». В finale переложения появляется сигнальный масонский символ — образ камня, в данном случае — камня правды: «На камне правды укрепленна / Моя нога не поскользнет...» [Там же], тогда как в тексте псалма: «Моя нога стоит на прямом пути» [Пс. 25 : 12]. Камень символизирует в масонстве душу человека, и в цитируемом случае автор переложения использует образ камня в уникальном контексте, предлагая вместо канонического «прямого пути» образ «камня правды», который сам по себе, в своей конкретике, осмысливается как нечто основательное, незыблемое и прочное.

Другой популярный в масонской среде жанр, восходящий к библейской традиции, — м о л и т в а. Молитва символически воспроизводит «путь к Богу». В основе христианских молитв, которые могут быть хвалебными, просительными, покаянными, благодарственными, лежит одно главное чувство — желание общения с Богом.

Автор «Молитвы к Богу о ниспослании благодати» размышляет о причинах возникновения непреодолимых противоречий в душе человека и обращается к прошлому человечества, ко временам Адама, который «во преступленье впал, / Своим грехом, мой Бог, мою он плоть связал, / За преступленье казнь вошла во человека, / И естество, к добру созданное от века, / Ко злу грехом своим быть стало суждено» [ВЗ, ч. 3, с. 230–231]. Осмысление противоречий человеческой души и поиск способов их преодоления — одна из важнейших тем масонской поэзии. Свет и мрак борются в душе человека («Но темный некий мрак сей разум затмевает, / Он ложь со истиной в затмении мешает», «Свет истины пред ним покрыт сгущенным мраком» [Там же, с. 231]), но душа стремится к Богу, внимает его заповедям. Душа, согласно масонской терминологии, — «внутренний человек», понятие это проникает и в поэтическую «Молитву» неизвестного автора:

И се, о Боже мой! все то, что Ты изрек,
Внимает внутренний лишь только человек!
Он заповедь Твою в себя впечатлевает,

Он истину, и свет, и святость ощущает,
Изобличает нас во злобе и грехах...

[В3, ч. 3, с. 231]

К молитве примыкает жанр духовной песни. Иоанн Златоуст, толкуя Послание к колосянам, обращает внимание на то, что апостол Павел призывает учить и вразумлять самих себя в «псалмех, гимнах и песнях духовных». Первое христианское песнопение, согласно евангельскому повествованию, было принесено на землю ангелами в рождественскую ночь. Песнопения в богослужении приобрели простор вечности с евангельских времен: Божественные гимны неумолчно раздаются на небесах. В масонстве песни, исполняемые на заседании в ложе, «выполняли роль своего рода ритуальной обрядовой поэзии, близкой по своей функции к богослужебной стихотворной христианской традиции» [Луцевич, с. 386]. Немало текстов масонских песен опубликовано в журнале «Магазин свободнокаменнической». Будучи призванными «вразумлять» братьев-каменщиков на их духовном пути к свету истины, масонские песни также подчеркивали избранность собравшихся в ложе «посвященных», знаменовали их единение в стремлении к достижению века Астреи. Тексты масонских песен насыщены специфическими масонскими образами и идеями: противопоставление земного и небесного миров, дружеское единение и равенство, ожидание «золотого века». Одна из масонских песен, напечатанная в журнале «Магазин свободнокаменнической», воспевающая «сладкую дружбу», которая помогает вознести «ко храму мира, тишины», оставив «долу все земное» [МС, ч. 1, с. 135]. Один из хоров прославляет масонское братство, «дружбой сопряженно», в котором каждый может вкусить «век златой» [Там же, с. 140]. Непосредственно с масонскими обрядами связан образ масонского храма как аналога защищенного пространства, в котором, в отличие от всего окружающего мира, царят истинная дружба, добродетель и любовь:

Любезны братья! Днесь
Колико мы блаженны,
Когда все купно здесь
Во храме затворены;
Не видим мы сих бед,
И их мы не трепещем,
Нам правый светит свет,
Согласно да восплещем!

[Там же, ч. 2, с. 126]

Тот же мотив звучит и в другой песне: «Любовь, надежда и покой, / Здесь чистых душ блаженство, / Они для кратких совершенство, / Они блаженный век златой» [Там же, с. 127].

С нашей точки зрения, наиболее репрезентативным для выражения масонских идей является жанр духовной оды, создающийся, в отличие от переложений псалмов, без ориентации на текст-первоисточник, поэтому автор оказывается более свободным в выборе образов, в трактовке религиозной темы. Духовная ода — это не столько диалог с Богом, сколько текст, тесно

соприкасающийся с ораторскими жанрами и подразумевающий более широкую философскую, далеко не частную, тематику.

Духовные оды имеют как онтологическую, так и антропологическую направленность, причем последняя преобладает в масонской поэзии, так как центральное место в масонском учении занимает концепция человека. Человеку, сотворенному, как и весь мир, из безграничного Божественного милосердия и любви, предначертана особая миссия, в соответствии с которой человек, созданный «по образу и подобию Божьему», выделен из всего тварного мира. Человеку дан разум и свободная воля, чтобы он стремился в своем земном бытии «реализовать заложенную способность достижения “обожения”» [Аржанухин, с. 143], т. е. уподобиться Творцу. «Не создан к вечному истлению, / Но в образ Божий человек», — пишет М. М. Херасков в переложениях начальных глав из Премудростей Соломоновых [ТХ, ч. 7, с. 20]. Но человек одновременно принадлежит духовному и плотскому миру, поэтому в нем выделяются два уровня: внешний (плотский) и внутренний (духовный). Различные формы соединения в человеке духовного и телесного порождают иерархию человеческих типов: на вершине — Богочеловек, внизу — ветхий Адам. Задача масонской работы — возвращение ветхого Адама («дикий камень») в состояние Первоадама («совершенный многогранник») с помощью нового Адама — Богочеловека. Именно реальному «совлечению с себя» ветхого Адама и превращению в эдемического (райского) человека посвящены масонские обряды, символы, молитвы, посвятительские практики: «В философском пла-не это означало преодоление дуализма онтологической природы человека, обретение им высшего, сверхэмпирического и сверхразумного знания, а также прямое отождествление с ним. Розенкрейцеры, тяготевшие к вневероисповедной мистике, были убеждены, что человек в своей земной жизни способен “центрально слиться” (Лопухин) с Богом как “Высшим Солнцем чистого света”» [История русской философии, с. 86]. Не останавливаясь на анализе всех духовно-философских од, опубликованных в масонских журналах, рассмотрим в качестве примера хотя бы некоторые тексты.

В оде «Человек» автор обращается ко временам сотворения мира. Рисуются картины создания земли, исполненной чудесами, — света, атмосферы, прекрасной природы — все это было создано Богом для человека — самого великого Божественного творения. Падение человека — лишь временное явление, и автор оды высказывает твердую веру в то, что наступят другие времена:

Теперь греху ты платишь дани,
Повинен смерти стал грехом,
Душа твоя есть место брани,
Где зло сражается с добром,
Где все воюют тьма со светом,
Когда предел тому придет,
Все вновь к началу возвратится
И зло в добро преобрратится,
Как мгла от глаз, оно спадет.

[ПТ, 1785, ч. 3, с. 90]

Космогоническая мифология оды «Смерть», опубликованной в той же части «Покоящегося трудолюбца», содержит совсем иную окраску. Здесь воспроизводится история рождения зла: «родился Хаос, нощь настала / И верх над светом одержала, / Покрыла бездну ону мгла, / Родилось зло, и свет со тьмою / Сражаться стали меж собою, / И брань скончаться не могла» [Там же, с. 106–107]. Вместе со злом пришла в мир смерть, «владычица всех смертных рода, царица тварей всех земных». Первая часть оды нагнетает чувство ужаса от всемогущей смерти, управляющей миром и всюду несущей бедствие. Однако во второй части оды, согласно масонской концепции «любви к смерти», смерть провозглашается благом, смерть — «от жизни к жизни переход», переход «от тьмы ко свету»: «Тобой мы, смерть, животворимся, / Не умираем, но родимся: / Окончив наше житие, / О смерть! Сокровище драгое! / Ты преселяешь нас в другое / Непреходяще бытие» [Там же, с. 108–109]. Контрастные переходы от картин, призванных вызвать чувство ужаса в читателе, к изображению светлого блаженства в Божественном бытии, подчеркивают негативное отношение масона к профанному миру, его полную противоположность ему.

Антропологическое содержание ярко раскрывается также в жанре духовно-философской оды, восходящей к ветхозаветным текстам пророков Экклезиаста и Иова, а также к новозаветной тематике евангельского обновления мира и человека. Данная тематика разрабатывается также в форме сонетов, стансов, рондо, в жанре тренической элегии. Широко распространенным оказался также жанр эпистолы, развивающий сходные с духовно-философской одой темы, но не требующий необходимого для оды «парения», поэтому в еще большей степени позволяющий проявлять свободу в способах излияния религиозного чувства и выражении масонских взглядов. Обострение внимания к двойственной природе человека, являющегося одновременно в духе и во плоти, небесном и земном, «внутреннем» и внешнем, сакральном и профанном, подчеркивает значимость в художественном хронотопе масонских поэтических произведений «пограничной ситуации» перехода, а также образов, отражающих бинарность всего сущего (противостояние земного и небесного, света и тьмы, добра и зла и т. п.). Отношение масонов к пограничному существованию человека «между жизнью и смертью» наиболее ярко раскрывается в масонском правиле «любви к смерти». Смерть в масонстве — этап пути души к свету, или один из этапов жизни, так как масонство признает бессмертие души. Смерть — один из символов ухода от профанного мира, смерть масона символически обозначается как уход на Восток Вечный [Карпачев, с. 260]. Масонская добродетель, связанная с «любовью к смерти», выражается в многочисленных поэтических противопоставлениях земной жизни Божественному небесному миру, ночи плотского бытия духовному свету вечности.

В «Стансах», где субъектом речи выступает «дух умирающего добродетельного человека», рисуется картина вознесения души после смерти телесной оболочки к небесам, где ее встречает Творец, который предстает «в Ангельском его небесном лице» [ВЗ, ч. 3, с. 229], и душа наконец познает счастье, ощущив милость Божью и воспылав ненавистью к своей греховной земной жизни. В других «Стансах» («Взирая на поля, на рощи, на луга...») полное

тревоги и горести человеческое пребывание на земле противопоставляется всему радующемуся жизни миру, поэтому автор уверен, что для человека «другой назначен век, где он почувствует, сколь счастлив человек» [УС, 1779, ч. 7, с. 79].

В эпистоле «Человек. К душе своей», опубликованной в первой части «Покоящегося трудолюбца», воссоздаются переживания души, связанные с воспоминаниями о моменте грехопадения:

Вспомни, трепеща, свою ты прежнюю часть,
С небес сниспала ты, подверглась в адsku власть,
Прекраснейшее быв Господнее творенье! <...>
Грехом своим себя ты с Богом разлучила,
Отторжен стал Господь, отторжен от тебя.
Ты скрыла свет его, покрыла тьмой себя.
Отверзла двери ты себе ужасна ада,
Ты смертоносного вкусила силу яда,
И из бессмертия ко смерти ты пришла!

[ПТ, 1784, ч. 1, с. 73–74]

Душа обречена странствовать «среди мирских сует», и только искреннее раскаяние в содеянном грехе может вернуть ее в «отчество», «к началу своему». Центральное событие христианской истории — воплощение Господа в человеческое тело и смерть его на Кресте — упоминается в эпистоле как мистерия, служащая аллегорией земного пути каждой души: через нисхождение в земную юдоль, преодоление испытаний и страданий, через смерть плоти душа может обрести спасение и вознести в «пресветлый чертог» вечной жизни, «возлететь» «к своему началу».

Увы! Душа моя! Распни ты плоть свою,
Ты, смертию ея, восставишаь жизнь твою!
Не шествуй более приятными стезями,
Гряди по тернию, дремучими лесами,
Сквозь камни, дебри, ты пучины проходи,
Змия в самой себе, чудовищ победи <...>
Возникни, о душа! Очисти Божий храм,
Тебе всесущедый Бог отверзнет двери сам,
На свой престол в тебе со славой воцарится,
С тобой встречаяся, с тобою сообщится
И вознесет тебя в пресветлый свой чертог —
На сей конец тебе дал жизнь всесущедый Бог!

[Там же, с. 75–76]

Если в переложениях псалмов и молитвах душа человека вступает в диалог с Богом, то в данной эпистоле воспроизводится диалог человека со своей душой, или общение «внутреннего человека» с самим собой, стремящимся преодолеть в себе противоречия и слабости «внешнего» человека.

Еще одна группа жанров, наиболее часто встречающаяся в масонских журналах, — это притчи, басни, нравоучительные сказки и по-

вести в стихах, идиллии, анакреонтические оды, эпиграммы, которые образуют группу этологических (или нравоописательных) жанров. К этой же группе, с нашей точки зрения, примыкают загадки и эпитеты. Этологические жанры, согласно классификации Г. Н. Поспелова, могут содержать как пафос отрицания, так и пафос утверждения, их цель — раскрывать «состояние национального общества или какой-то его части» [Поспелов, с. 207].

Рассмотрим в качестве примера поучительную стихотворную повесть, опубликованную в майском номере «Вечерней зари», «Фанид, или Спокойствие, дарованное премудростью». Фанид, забывший «прямой путь» к Истине, устремился к мирским благам, суета мирская «ослепила» его, но вдруг наступило прозрение, он понял, что спокойствия «в мятежном свете нет»:

Как будто окружен покровом темной ночи,
Куда ни обратит Фанид смущенны очи,
Сгущено облако вокруг себя он зрит,
Которо дневный свет узреть ему претит.

[ВЗ, ч. 2, с. 57]

Тогда, утомленный скучой и унынием, смущенный открывшимся ему зреющим окружающего мрака, Фанид «к уединению прибегнуть устремился, / В зеленые поля от града удалился. / Уж сельска тишина его сретает там, / Невинность путь во свой ему открыла храм» [Там же]. Здесь, в храме природы, переживает Фанид восторг души, всюду чувствуя присутствие Творца. Пройдя испытание — искушение роскошной жизнью, которая могла увлечь его «в бездну», «в пучину», Фанид осознает, что спокойствие и счастье можно обрести, разорвав «тяжкие оковы» плоти и отказавшись служить своим страсти. Фанид проживает остаток жизни, занимаясь познанием себя, природы и Творца в пространстве сельской тишины и уединении, найдя ограду от «прелестей» земной жизни в красоте природы, так «из бурных вод он стал волною извлечен, / Ко брегу тишины уже перенесен, / И в сельской простоте он дни препровождает, / К благополучию путь часто открывает» [Там же, с. 61]. Страсти не единожды стремятся направить его по ложному пути, но с помощью Премудрости Фанид преодолевает их. Фанид, достигший спокойствия в жизни, спокойно принимает смерть, которая «ко вечности врата пред ним открыла». Он переходит в бессмертие, дух его соединяется с Творцом в «светозарном» небесном чертоге.

Как можно убедиться, данное произведение является повествованием об образцовой жизни человека, победившего в себе все «внешние», ложные стремления и вставшего на путь Истины, ведущий к светозарному Храму вечности. В «Фаниде» мы находим практически все концептуальные хронотопические образы и мифологемы масонской поэзии: путь, храм, противопоставление мрака и света, бурного моря жизни спокойному берегу, города и природы, аллегории слепоты и прозрения, образ оков, символизирующий страсти человеческие, топос уединения, мотивы постижения Творца в природе, открытия ключа к таинствам природы, борьбы добра и зла во внутреннем пространстве человеческой

души, восприятие смерти как пути в вечность, в светозарный чертог Божественного бытия, где душа человека соединяется с вечным Божественным духом.

В масонской среде этологические жанры играют воспитательную роль, так как призваны выявить идеальные стороны человеческой жизни, с одной стороны, и показать пороки современного общества в целом и человека в частности — с другой. Особое внимание следует обратить на жанр эпитафии, связанный с важной для масонов темой смерти. Эпитафии встречаются практически во всех циклических подборках стихов в журналах, завершая их. Эпитафия призвана напомнить о бренности земного человеческого существования и необходимости проявления масонской «любви к смерти». Так, в эпитафии «Добродетельному» создается идеал земной жизни человека («В нем сердце чистою любовью пламенело / К Всевышнему Творцу и Богу своему, / Любило ближняго, желанием горело / Исполнить заповедь, благотворя ему» [ПТ, 1984, ч. 2, с. 235]), ведущий к бессмертию души:

Священным таинствам в нем разум поучался
И света он достиг, горев любви огнем,
К началу устремясь, живот его скончался,
Прохожий! Не стени, взорадуйся о нем!

[Там же]

Таким образом, онтологическая и антропологическая проблематика масонской философии наиболее ярко проявляется в таких жанрах масонской поэзии, как переложение псалма, духовная ода, философская ода, молитва и других, содержательно восходящих к традиции библейских жанров. Онтологическое содержание масонской поэзии связано с особым вниманием поэтов к космологическим и эсхатологическим темам, с признанием тварности мироздания и бесконечной Божественной любви к человеку, обладающему бессмертной душой. Антропологическая направленность масонской философии объясняет внимание поэтов к изображению двойственной человеческой природы, несовершенство которой раскрывается в широко распространенных в масонской поэзии образных оппозициях. Несоответствие «внутреннего» духовного человека несовершенному внешнему миру предопределяет особое внимание к хронотопической ситуации границы, или перехода, а существование в масонской практике различных степеней, соответствующих разным уровням развития человека (от ветхого Адама к новому Адаму), предполагает особую значимость в масонской поэзии образа пути, символически отображающего движение «внутреннего» человека к своему первообразу, созданному по подобию Божьему. Нравоиспособительные жанры (притчи, басни, нравоучительные сказки и повести в стихах, идиyllии, анакроонтические оды, эпиграммы, загадки, эпитафии) отображают состояние земной жизни человека, находящегося на разных уровнях развития. Группа этологических жанров утверждает (в том числе и через отрицание) необходимость преодолевать в себе «ветхого Адама» и возрождать качества, присущие человеку до грехопадения.

Аржанухин С. В. Философские взгляды русского масонства : по материалам журнала «Магазин свободнокаменщической». Екатеринбург, 1995. 224 с. [Arzhanukhin S. V. Filosofskie vzglyady russkogo masonstva : po materialam zhurnala «Magazin svobodnokamenshicheskoy». Ekaterinburg, 1995. 224 s.]

ВЗ — Вечерняя заря : ежемес. изд. Ч. 1—3. М., 1782. [VZ — Vechernyaya zarya : ezhemes. izd. CH. 1—3. M., 1782.]

История русской философии : учебник / под ред. М. А. Маслина. 2-е изд.. М., 2008. 638 с. [Istoriya russkoj filosofii : uchebnik / pod red. M. A. Maslina. 2-e izd.. M., 2008. 638 s.]

Карпацев С. П. Путеводитель по тайнам масонства. М., 2002. 407 с. [Karpachev S. P. Putevoditel' po tajnam masonstva. M., 2002. 407 s.]

Лавджой А. О. Великая цепь бытия. История идеи / пер. с англ. В. Софонова-Антомони. М., 2001. 376 с. [Lavdzhoj A. O. Velikaya tsep' bytiya. Istoriya idei / per. s angl. V. Sofronova-Antomoni. M., 2001. 376 s.]

Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. 608 с. [Lutsevich L. F. Psaltyr' v russkoj poezii. SPb., 2002. 608 s.]

Маслова А. Г. Пространственно-временные символы и мифологемы масонской поэзии (по материалам масонских журналов 1770—1780-х гг.) // Вестн. Вят. гос. гуманитар. ун-та. 2011. № 4 (1). С. 124—128. [Maslova A. G. Prostranstvenno-vremennye simvoli i mifologemy masonskoj poezii (po materialam masonsikh zhurnalov 1770—1780-kh gg.) // Vestn. Vyat. gos. gumanitar. un-ta. 2011. N 4 (1). S. 124—128.]

Масонство и русская литература XVIII — начала XIX в. / под ред. В. И. Сахарова. М., 2000. 272 с. [Masonstvo i russkaya literatura XVIII — nachala XIX v. / pod red. V. I. Sakharova. M., 2000. 272 s.]

МС — Магазин свободнокаменщической. Т. 1, ч. 1—2. М., 1784. [MS — Magazin svobodnokamenschicheskoy. T. 1, ch. 1—2. M., 1784.]

Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. М., 1972. 269 с. [Pospelov G. N. Problemy istoricheskogo razvitiya literature. M., 1972. 269 s.]

ПТ — Покоящийся трудолюбец. Ч. 1—4. М., 1784—1785. [PT — Pokoyaschijsa trudolyubets. CH. 1—4. M., 1784—1785.]

Ровнер М. Л. Масонские мотивы в переложениях псалмов А. П. Сумарокова // Масонство и русская литература XVIII — начала XIX в. / под ред. В. И. Сахарова. М., 2000. С. 119—129. [Rovner M. L. Masonskie motivy v perelozheniyakh psalmov A. P. Sumarokova // Masonstvo i russkaya literatura XVIII — nachala XIX v. / pod red. V. I. Sakharova. M., 2000. S. 119—129.]

Сахаров В. И. Русская масонская поэзия (к постановке проблемы) // Масонство и русская литература XVIII — начала XIX в. / под ред. В. И. Сахарова. М., 2000. С. 66—118. [Sakharov V. I. Russkaya masonskaya poeziya (k postanovke problemy) // Masonstvo i russkaya literatura XVIII — nachala XIX v. / pod red. V. I. Sakharova. M., 2000. S. 66—118.]

Семенова Е. В. Система жанров русской духовной поэзии XVIII — начала XIX в. М., 2001. 183 с. [Semenova E. V. Sistema zhanrov russkoj duchovnoj poezii XVIII — nachala XIX v. M., 2001. 183 s.]

Стеник Ю. В. Православие и масонство в России XVIII в. (к постановке проблемы) // Рус. лит. 1995. № 1. С. 76—92. [Stennik YU. V. Pravoslavie i masonstvo v Rossii XVIII v. (k postanovke problemy) // Rus. lit. 1995. N 1. S. 76—92.]

Тамарченко Н. Д. Теория литературы : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1 : Тамарченко Н. Д. и др. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. 4-е изд. М.: Изд., 2010. 512 с. [Tamarchenko N. D. Teoriya literatury : ucheb. posobie : v 2 t. T. 1 : Tamar-chenko N. D. i dr. Teoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika. 4-e izd. M.: Izd., 2010. 512 s.]

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: Семантика и структура. М., 1983. С. 227—285. [Toporov V. N. Prostranstvo i tekst // Tekst: Semantika i struktura. M., 1983. S. 227—285.]

TX — Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные : в 12 ч. М., 1796—1803. [TKh — Tvoresheniya M. Kheraskova, vnov' ispravlennye i dopolnennye : v 12 ch. M., 1796—1803.]

УС — Утренний свет. Ч. 1—9. СПб. ; М., 1777—1780. [US — Utrennij svet. CH. 1—9. SPb. ; M., 1777—1780.]

Хализев В. Е. Теория литературы : учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. 437 с. [Khalizhev V. E. Teoriya literatury : uchebnik. 3-e izd., ispr. i dop. M., 2002. 437 s.]

Levitsky A. Masonic Elements in Russian Eighteenth-Century Religious Poetry // Russia and the World of the Eighteenth Century. Slavika published Inc. 1988. P. 419—436.

Статья поступила в редакцию 30.05.2013 г.

УДК 821.161.1 Набоков + 821.111 Набоков +
+ 82-94

А. Е. Литварь (Шапиро)

ЗАГАДКИ И ИТЕРПРЕТАЦИИ РОМАНА В. НАБОКОВА «ПОДЛИННАЯ ЖИЗНЬ СЕБАСТЬЯНА НАЙТА»

Исследуются различные теории расшифровки первого англоязычного романа Владимира Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта». Рассматриваются различные варианты интерпретации основных тем произведения, его концовки, а также интертекстуальные связи. Особое внимание обращено на образ рассказчика в этом романе.

Ключевые слова: В. В. Набоков; роман; русская и англоязычная критика; художественная биография; пограничные жанры; гипотезы.

«Подлинная жизнь Себастьяна Найта» (*The Real Life of Sebastian Kingt*) — первый роман Владимира Владимировича Набокова, написанный на английском языке. Начат он был в декабре 1938 г. в Париже, закончен за месяц — небывалый для писателя срок, вызванный необходимостью попасть на литературный конкурс в Лондоне. Роман был опубликован 18 декабря 1941 г. в издательстве *New Directions* по протекции влиятельного друга Набокова, американского критика Эдмунда Уильсона. К этому моменту Владимир Набоков известен лишь в эмигрантских кругах своими произведениями на русском, написанными под псевдонимом Владимира Сирина. В США известность автору принес роман «Лолита», вышедший во Франции в 1955 г. Посему знакомство с романом «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» у большинства критиков произошло *post factum*, значительно позже его выхода. Роман не избежал сравнения с более поздними произведениями Набокова, и сравнение это чаще всего оказывалось не в его пользу.

Сам автор позднее писал в предисловии к «Другим берегам», что находит в романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» (или «Истинная» в переводе Геннадия Барабтарло), «невыносимые недостатки» [Набоков, 2001, с. 8]. В письме